

БЕРНШТЕЙН С. Б.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НОСТРАТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЕ

Мне уже давно хотелось печатно высказать свое мнение о работах в области ностратического языкознания, несмотря на то, что ни по своей профессиональной подготовке, ни по своим специальным интересам я не могу участвовать в дискуссии по конкретным вопросам этого труднейшего раздела языкознания. Импульсом выступить теперь в печати явились недавно опубликованная статья ленинградского тюрколога А. М. Щербака «О ностратических исследованиях с позиции тюрколога» [1] и призыв редакции журнала начать дискуссию «по проблемам ностратических исследований». Имеются, однако, и личные причины. Во-первых, Владислав Маркович Иллич-Свитыч вошел в науку о языке под моим руководством; во-вторых, работа по подготовке ностратического словаря с самого начала шла в Секторе славянского языкознания Института славяноведения и балканистики АН СССР, которым я руководил с самого основания Института. Санкционировав эту тему, я, естественно, взял на себя большую ответственность. Не буду скрывать, что я принял это решение после длительных колебаний и сомнений.

В нашей науке не уделяется серьезного внимания исследованиям тех древнейших элементов в индоевропейских языках, которые как будто свидетельствуют о генетическом их родстве с многими неиндоевропейскими языками Старого Света. Работы в этом направлении могли легко скомпрометировать самого авторитетного ученого. Так случилось, например, с известным итальянским лингвистом А. Тромбетти, который сравнивал слова и морфемы из языков различного происхождения, порой не очень заботясь о точном восстановлении древнейших архетипов и их истории. Важность проблемы изучения родства языков Старого Света хорошо понимал выдающийся датский лингвист Х. Педерсен, который еще в 1903 г. полагал, что для реализации общих идей пока не пришло время. Это подтверждали многочисленные дилетантские сопоставления фактов из языков различных семейств Старого Света. Педерсен отлично понимал, что ностратические сопоставления станут отвечать требованиям научного метода лишь при выявлении закономерностей фонетической эволюции неиндоевропейских языков, на основе которой можно будет решать задачи этимологии этих языков, устанавливая их древнейшие архетипы. Кроме того, он обращал внимание на необходимость четкого отграничения исконных элементов от заимствованных.

В. М. Иллич-Свитыч через 50 лет после Педерсена пришел к выводу, что теперь уже можно начинать серьезные исследования взаимоотношений языков Старого Света на их древнейшей ступени развития. Это обеспечивали большие достижения ученых XX в. в области неиндоевропейской этимологии, труды Б. Коллиндера, Б. Розенкранца, Г. Рамстедта, Д. Немета, М. Рясанена, П. Мериджи, В. Полака, М. Козна, К. Менгеса, К. Боуды, Г. Мёллера, Г. А. Климова, Т. В. Гамкрелидзе и др. Конечно, никто из названных ученых не может нести ответственности за решение молодого ученого. Сам Иллич-Свитыч прекрасно понимал, что он поставил перед собой грандиозную задачу, решение которой потребует от него титанического труда. Не буду скрывать, что я предпринимал активные усилия, чтобы вернуть моего самого талантливого ученика в лоно славистики, балтистики и балканистики. Я действовал так не потому, что был заражен антиностратическим микробом. Мне просто было жаль терять исследовате-

ля, способного в указанных выше областях языкознания оставить очень большой след. Об этом свидетельствовали уже его первые публикации, особенно его монография «Именная акцентуация в балтийском и славянском» (1963), получившая чрезвычайно высокую оценку крупнейших акцентологов нашего времени.

В. М. Иллич-Свитыч обладал выдающимся талантом исследователя, способностями полиглота, необыкновенной работоспособностью и умением трезво оценивать результаты своего труда. Могу с уверенностью сказать, что он взялся за решение труднейшей задачи современного языкознания не от легкомыслия. Оно было органически чуждо его природе. Иллич-Свитыч знал, что его ждет, но он «не боялся глубокой воды».

Иллич-Свитыч начал искать ответа на ностратическую гипотезу в одиночестве. Лишь позже к нему присоединилось несколько способных ученых. Среди них первое место занимает В. А. Дыбо, который в настоящее время руководит большим коллективом специалистов по самым различным языкам Европы, Азии и Африки. Критикам словаря Иллич-Свитыча об этом следует подумать. Почему как будто легкомысленное предприятие дало такой мощный толчок развитию целого направления в современном языкознании? Нет сомнений в том, что многие ностратизмы из словаря Иллич-Свитыча в будущем строгой критикой будут изъяты, но это лишь повысит удельный вес тех, которые выдержат эту критику. Я уже не говорю, что будет выявлено много новых элементов.

Существует мнение, что стремление Иллич-Свитыча «во что бы то ни стало доказать родство ностратических языков» приводит автора к неосторожному обращению «с конкретным языковым материалом» (с. 35). В данном случае мы имеем дело со сложным психологическим явлением. Конечно, молодой ученый стремился увеличить число ностратизмов, расширить круг неиндоевропейских языков. Это легко понять. А разве сторонники, например, теории балто-славянского праязыка не стремятся всеми средствами увеличить число фактов, которые якобы подтверждают эту теорию? Критиковать Иллич-Свитыча нужно не за его увлеченность ностратической гипотезой, а за конкретные ошибки, допущенные им в области этимологии тех языков, которые он не успел фундаментально изучить. Эти ошибки хорошо известны тем, кто теперь работает под руководством В. А. Дыбо. Отдельные из ошибок были известны уже Иллич-Свитычу. Вот почему некоторые этимологии из предварительных публикаций сам Иллич-Свитыч не включил в первый том словаря. По непонятной причине А. М. Щербак не обратил на это внимания.

Многие лингвисты полагают, что исследования в области проверки ностратической гипотезы должны проводить лишь сторонники этой гипотезы. Убежден, что это заблуждение. Очень полезным явится участие тех специалистов, которые полагают, что современные языковые семейства Старого Света искони представляли собою изолированные группы, генетически не связанные между собой. Следует лишь проводить эту проверку доброжелательно и спокойно. Нужно ясно отдавать себе отчет в том, что исследования в области ностратического языкознания бесприоритетны при любом ответе на основной вопрос. Пока ответа еще нет. Он будет получен в будущем в результате дружной работы тех лингвистов, которые интересуются проблемой языковых отношений на территории Европы, Азии и Африки в эпоху мезолита и неолита. Эти исследования имеют самое прямое отношение к древнейшей истории индоевропейских языков, к процессу формирования индоевропейского праязыка и его диалектов. Еще совсем недавно индоевропейцы не спускались ниже II—III тысячелетия до н. э. В результате применения новейших достижений внутренней реконструкции, усовершенствования методики этимологического анализа, привлечения новых данных древнейших индоевропейских языков нижнюю границу удалось значительно углубить. Нет сомнений, что в будущем сравнительно-исторические исследования языков Старого Света бросят свет на еще более отдаленные времена. Конечно, восстановить реальную языковую ситуацию периода формирования современного человека пока, при современных средствах науки, невозможно. Но будет ли

так всегда? Я не стал бы вслед за В. А. Дыбо утверждать, что ностратическое языкознание не имеет никакого отношения к проблеме реконструкции отдельных элементов языка *homo sapiens'*а. Каждая эпоха в истории нашей науки устанавливает свою нижнюю границу изучения языка человека. Мы не знаем и не можем знать о возможностях исследований будущих столетий. Однако мы должны сделать все, чтобы они не упрекали нас так, как мы теперь упрекаем древних греков за их безразличное отношение к языкам варваров.

Ностратические исследования требуют отличного знания современного уровня этимологии всех привлекаемых языков. Это превышает возможности даже выдающегося исследователя. Следует обратить внимание на то, что этимологический анализ в последнем выпуске словаря [2] значительно строже. Накоплен большой опыт, в работе над словарем теперь участвуют специалисты по различным языкам Старого Света. А. М. Щербак с нескрываемым огорчением отмечает ошибки в тюркской этимологии. Однако критик анализирует лишь незначительную часть тюркизмов, представленных в первых двух выпусках словаря (третий, к сожалению, был ему недоступен, так как находился в печати). Полагаю, что он должен был проанализировать все тюркизмы словаря. Перед сдачей в печать первого тома словаря рукопись была всесторонне обсуждена. Рецензент тюркологической части отметил все промахи в области тюркологии. Что же касается общей оценки работы, то она была достаточно высокой.

Поиски В. М. Иллич-Свитыча дали мощный толчок развитию ностратического языкознания. При современном уровне в этой области успешно может работать лишь большой и высококвалифицированный коллектив специалистов по языкам Старого Света. Только в этом случае может быть обеспечен высокий профессиональный уровень отдельных сопоставлений и их этимологических интерпретаций. Дело идет именно к этому. Критика ностратической гипотезы в настоящее время не может ограничиваться анализом трудов Иллич-Свитыча. После его смерти прошло уже почти 20 лет. За эти годы теория и методика ностратического языкознания далеко шагнули вперед.

Исследования в области ностратического языкознания теперь идут по строго разработанному плану. Постепенно усложняются задачи, расширяется круг языков.

Первая задача, которая была поставлена еще Иллич-Свитычем, состоит в подготовке картотеки ностратизмов. Она продолжает оставаться актуальной и теперь. Картотека включает все бесспорные и сомнительные случаи, примеры, извлеченные из многих языков Старого Света. Именно по этому пути в настоящее время идет коллектив. Так, в третий том словаря включен ностратизм *luŋge* «снег», представленный только в уральских и алтайских языках [2, с. 34]. Без соответствующих примеров невозможно будет решать задачи ностратической диалектологии. Естественно, что картотека должна составляться с учетом всех последних достижений этимологии соответствующих языков.

Ностратическая гипотеза ставит перед исследователями много трудных проблем. Никак нельзя исключать ареальный аспект. Пока в этом направлении сделано мало. Следует иметь в виду, что дифференциация может отражать не подлинную картину, а уровень наших знаний. Нужно упорно искать все новые и новые источники. В частности, не следует пренебрегать диалектными словарями современных языков.

Очевидно, что ностратическая гипотеза не может быть подтверждена только с помощью этимологического анализа и данных ареальной лингвистики. Необходимо знать историю ностратизмов. Ойкумена периода мезолита и неолита была сравнительно незначительной. Поэтому нельзя отрицать возможности ранних общений племен различного происхождения, что не могло не отразиться на языке. Конечно, уже в ранние периоды истории языков Старого Света возможны были лексические заимствования. Без четкого разграничения исконных ностратизмов и заимствованных элементов нельзя будет решить многие важнейшие проблемы древнейшей языковой истории. Задача эта весьма трудная. Ее решение потре-

бует от исследователей учета многих факторов. Достаточно привести один пример. А. М. Щербак сочувственно ссылается на Педерсена, который, по его словам, тюркское *ešäk* «осел» считал индоевропейским заимствованием в тюркских языках. Однако нужно внести уточнение — датский лингвист полагал, что тюркское *ešäk* имеет армянский источник (ср. арм. *eš* «осел»). Как известно, В. Банг не разделял этой гипотезы. Он выводил *ešäk* к тюрк. *aš* «товарищ», что представляется значительно убедительнее [3]. Против предположения Педерсена свидетельствует широкое распространение слова *ešäk* в тюркском языковом мире, порой весьма отдаленном от поселений предков армян.

Таким образом, постратическое языкознание многоаспектно. Практически теперь формируется новая область сравнительно-исторического языкознания, значение которой в полном объеме станет ясным позже. Она даст мощный импульс для развития историко-этимологических исследований неиндоевропейских языков, поможет осветить многие явления и их генезис в древнейшей истории индоевропейских языков.

Не могу понять, почему исследования в этой области языкознания часто вызывают резкую неприязнь и даже раздражение у лингвистов, далеких вообще от сравнительно-исторического языкознания, порой специалистов по современным языкам? Прекратить исследования в области ностратики теперь уже невозможно. Однако эти исследования требуют поддержки.

Многие факты и утверждения в публикациях В. М. Иллич-Свитыча будут пересмотрены, исправлены и дополнены. Это бесспорно. Ранняя смерть помешала самому ученому активно участвовать в этом процессе творческого обновления гипотезы и материала, на основе которого она формировалась. Главное, однако, сохраняется. Это дух подлинного творчества, стремление к пересмотру многих устаревших взглядов. А. М. Щербак справедливо пишет: «Исследования В. М. Иллич-Свитыча побуждают к пересмотру установившихся взглядов на историческую глубину языковых контактов. Последние десятилетия — время усилившихся поисков генетического родства» (с. 40). С большим удовлетворением должен отметить, что завершающая часть статьи А. М. Щербака верно оценивает вклад Иллич-Свитыча в историческое языкознание. По его справедливому мнению, в результате трудов Иллич-Свитыча «появилась возможность тщательно взвесить и всесторонне оценить ту поистине глобальную совокупность разнообразных и разнородных сходств, которая необыкновенными усилиями, богатой эрудицией и редкостным даром воображения одного человека была подана в виде определенной системы» (с. 40).

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак А. М. О постратических исследованиях с позиций тюрколога. — ВЯ, 1984, № 6.
2. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения постратических языков. Сравнительный словарь (р — q). М., 1984.
3. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1977, с. 317—318.